

УДК 821.511.132-1 6180/1853

**ПИИТЫ ЗЫРЯНСКИЕ: СТАНОВЛЕНИЕ КОМИ ПОЭЗИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

© П.Ф. Лимеров

Становление коми литературы, коми литературного языка связано с именем первого коми поэта И.А. Куратова. Однако первыми обратившимися к литературному творчеству на коми языке были В.А. Куратов, П.Ф. Клочков, П.В. Распутин, Г.С. Лыткин, которых сам Куратов называет «известными пиитами зырянским». Творчество этих поэтов приходится в основном на первую половину XIX в., их произведения распространялись в рукописях и никогда не были опубликованы, какие-то из них вошли в фольклор и сохранились в виде народных песен, но в основном они оказались забытыми или утерянными. На сегодняшний день фонд поэзии XIX в. на коми языке чрезвычайно мал, но он позволяет увидеть эволюционный путь становления словесности, который уже в середине этого века привел к появлению зрелой поэзии И.А. Куратова. В настоящей статье предлагается анализ историко-литературного процесса, в контексте которого происходит становление авторского поэтического творчества на коми языке. Восстановлены некоторые аспекты творческой биографии первых коми поэтов, рассматриваются их стихотворные опыты. Значение их для национальной литературы заключается в создании языка коми поэзии, отвечающего духовным запросам эпохи. В этих еще несовершенных стихотворениях рождались и новая философия зырянского Слова, и новая образность, которые привели в итоге к зарождению собственно поэтического коми языка, нашедшего развитие впоследствии в творчестве И.А. Куратова, а позже – в коми лирике начала XX в.

Ключевые слова: поэзия, региональная словесность, причитания, Вологодская семинария, псалмы, панегирик, фольклорная образность, просвещение.

В первой половине XIX в. начинается формирование коми литературной традиции. К этому времени относится появление так называемых «учено-художественных» произведений, написанных коми авторами на русском языке [1, с. 5]. В основном эти сочинения писались в жанре этнографической беллетристики и освещали различные стороны жизни зырянского народа: быт, обычаи, верования; были и произведения религиозно-просветительского характера. Как отмечает В.А. Лимерова, значение этого этапа литературного развития в том, что он дал начало формированию «самосознания региональной словесности и становлению в ней собственных эстетических ресурсов» [1, с. 5]. Происходит осознание коми авторами своей национальной самобытности, и некоторые из них ищут опору для своего творчества в коми языке и коми фольклоре. Однако сле-

дует признать, что первым отметил красоту фольклорных произведений коми русский литератор Н.И. Надеждин во время своей кратковременной ссылки в г. Усть-Сысольск. Публикуя в статье «Народная поэзия у зырян» (1839) два образца коми свадебных причитаний в переводе на русский язык, он восклицает: «Какая простота! Какая живопись! Какая музыка! Тряхнув ученостью, я мог бы доказать, что в зырянской поэзии соединяются и восточная антифония, и классический ритм, и романтическая рифма!» [2, с. 72]. Другим примером фольклорной поэзии коми стала публикация собрания свадебных причитаний в Приложении к «Грамматике зырянского языка» П.И. Савваитова, вышедшей в 1849 г. [3, с. 131–178]. Это собрание стало первым изданием фольклорных произведений на коми языке и надолго определило ориентацию коми поэзии именно на

ЛИМЕРОВ Павел Федорович – к.филол.н., Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, e-mail: plimeroff@mail.ru

народное творчество. Имя автора-составителя собрания зафиксировано в записях И.А. Куратова о коми литераторах: им был его старший брат – Василий Алексеевич Куратов [4, с. 8]. В.А. Куратов (1820–1862) служил священником в Шатеневской церкви Никольского уезда Вологодской губернии и был человеком разносторонних интересов: собирал коми фольклор, работал над грамматикой коми языка, занимался писательским творчеством [5, с. 9]. Однако после ранней смерти В.А. Куратова в 1962 г. его архив был утерян [4, с. 8].

Упомянутые выше записи И.А. Куратова являются, по сути, первой литературно-критической работой о коми поэзии начала XIX в. Свою задачу Куратов видел в том, чтобы сделать обзор поэзии своих предшественников и современников и дать оценку их творчества. Помимо брата, В.А. Куратова, среди «известных пиитов зырянских» он называет Е. Лыткина, П. Клочкова и П. Распутина, а также А.И. Гугова, которого именует своим «приятелем». Известно, что *А.И. Гугов* – литературный псевдоним И.А. Куратова, образованный по принципу анаграммы: А.И. – И.А., Гугов – производное от коми «гуг» ‘обратная сторона, изнанка’, т. о. *А.И. Гугов* – ‘оборотный, другой’, иными словами – литературный двойник поэта [6, с. 5].

В начале своей статьи Куратов признается, что ставил задачу собрать все «появившиеся на зырянском языке стихотворения» в одну тетрадь. Появлялись они, очевидно, в рукописных альбомах усть-сысольской интеллигенции, куда записывались самими авторами. Однако собрать достаточного количества зырянских стихотворений Куратову не удается. Он пишет, что бумаги Василия Куратова после его смерти в Никольском уезде Вологодской губернии были растеряны, из стихотворений Е. Лыткина и П. Клочкова удалось найти лишь по одному их стихотворению; лучше дело обстояло со стихотворениями П. Распутина, которому и достался весь «заряд» куратовской критики. Поскольку в распоряжении Куратова оказались стихотворения христианского содержания: переводы духовных песен, псалмов, выполненные Распутиным, то основные претензии касались качества переводов, неточностей, искажающих подлинный смысл текстов. Куратов об-

наруживает в стихотворениях Распутина и искажение грамматического строя коми языка, и отсутствие рифмы и эстетического чутья; соответственно, он делает вывод о крайне низком уровне мастерства поэта, называя его стихотворения «мараниями» [4, с. 8].

Между тем Куратов приводит письмо Распутина П.Ф. Клочкову, в котором излагается его творческое кредо: «убедить (как Навух) край спящих зырян, что язык их премил и богат (хотя мало) для поэзии. Будем петь и бряцать. Умру в этих мыслях и с чувством поэта...» [4, с. 20]. Это высказывание выдает наличие вполне осознанной эстетической программы, поэтому вызывает одобрительный комментарий Куратова: «В ком бы ни выражалась любовь к своему народу и родному языку, она, как любовь к матери, всегда почтенна и уж никогда не может быть смешна; она выражает чистую душу... Из слов Распутина видно еще нечто более серьезное; он, по-видимому, сознает важность если не своих зырянских стихов, то вообще, зырянской литературы» [4, с. 20]. Несмотря на отрицательную оценку поэзии Распутина, Куратов все же понимает важность подобных поэтических начинаний как вклада в формирование литературы на коми языке, в необходимости которой для духовного развития народа он не сомневается.

Петр Васильевич Распутин (1820–1901) в 1850-е гг. служил пономарем в Троицком соборе Усть-Сысольска; очевидно, на эти годы и приходился расцвет его творчества. Среди архивных материалов сохранилась его переписка с епископом Вологодским и Устюжским Евлампием, которому Распутин в феврале 1851 г. отправляет свои стихотворения. Он пишет: «Питая любовь и уважение к природному моему Зырянскому языку, я при малейшем таланте ума ... при помощи Всемогущего решился воспеть Богодухновенные Псалмы Царя и Пророка на зырянском и родном мне наречии. И дабы обрадовать своих единоплеменцев и любителей просвещения, а еще более добрых наставников малыя моими трудами, плодами учения, – я из Псалмов и некоторых нравственных Поэтических Творений, расположенные стихами, осмеливаюсь на первый раз представить Вашему Преосвященству на зырянском наречии:

1. Блажен муж. 1-й Псалом. Медводдза псалом.
  2. О пленении Израильтян. 136 псалом. Пöлöнын олöм Израильсаяслöн.
  3. Песнь... Свете Тихий! Святыя славы...
  4. Подражание г-ну Шишкову. Сладость благодееяния...
- а) стихотворение нравственное...

И осмеливаюсь всепокорнейшее просить, не соблаговолено ли будет сии мои труды передать для рассмотрения в учебное Семинарское место, и если окажутся годными, с благословения Вашего, Чадолубивый Отец! – наградить оными жаждущий Зырянский край, а меня поощрить тем к дальнейшим трудам петь во славу Святыя Троицы!» [2, с. 230].

В Вологде появление зырянских псалмов встретили очень одобрительно и направили на рассмотрение в Правление Вологодской семинарии. Рецензию от учебного заведения писал преподаватель коми и латинского языков А.И. Попов, сам уроженец Усть-Сысольского уезда, получивший образование в Вологодской семинарии и Московской духовной академии, преемник П.И. Савvaitова в курировании «зырянского класса». А.И. Попов написал подробную рецензию, которая была представлена епископу Вологодскому, а также переслана в Усть-Сысольское Духовное правление «с тем, чтобы оно объявило зырянскому певцу пономарю П. Распутину суждение о недостатках, и потом, что заслуживает похвалу в его зырянском стихотворстве. Дозволить ему продолжить и даже пустить оные в списках между зырянами после рецензии. Затем все дело опять возвратить» [7, с. 231]. Иными словами, Распутин получил высочайшую поддержку в сочинении стихотворений на зырянском языке.

К сожалению, из написанного Распутиным известно всего несколько стихотворений, хотя сам он утверждал, что у него «их есть бездна: песни, басни, сказки – кроме нравственных и псалмов» [4, с. 21]. В качестве примеров в своей работе Куратов приводит три стихотворения – это перевод духовной песни «Свете тихий», озаглавленный Распутиным как «Ошкан съслан Енлы» («Хвалебная песнь Богу»); стихотворение «Воссины кор гажа луньяс» («Как пришли красные денечки»), обозначенное Куратовым, вслед за Распутиным, как «Подражание Шишкову»; перевод сто тридцать шестого псалма, названный

«Полонын олöм иерусалимсаяслöн» («Жизнь иерусалимцев в плену»); перевод же Первого псалма «Медзводдза псалом» Куратов не приводит. Все эти стихотворения, включая еще одно стихотворение Распутина «Янсöдчöм» («Расставание»), сохранились среди архивных материалов П.И. Савvaitова¹. В.И. Мартынов считает, что последнее стихотворение «по форме и содержанию весьма близко к лирике в духе А.В. Кольцова» [8, с. 51]. Что же касается других стихотворений, то они, по верному замечанию Куратова, не являются собственно переводами, это «создания Распутина» [4, с. 17], т.е. Распутин сочинял свои стихи что называется «по мотивам», не следуя первоисточнику дословно.

Вывод Куратова, сделанный им в конце статьи, закономерен: «Из всех произведений зырянского слова самое замечательное “Бöрданкывьяс” (Причитания)» [4, с. 21]. Таким образом, по мнению Куратова, признаками бесспорной поэзии его времени пока обладает только фольклорное – но не авторское – слово.

Между тем середина XIX в. характеризуется интенсивным сбором фольклорных и этнографических материалов коми народа местными энтузиастами под эгидой Императорского Русского географического общества. П.И. Савvaitов, член-корреспондент Императорской академии наук, был одним из активнейших деятелей этого общества. Во время преподавательской работы в Вологодской семинарии он составляет «Граматику зырянского языка», для чего совершает несколько поездок в Коми край для изучения языка и сбора лингвистического материала [5, с. 155]. Выход «Граматики» П.И. Савvaitова в 1849 г. вызвал большой резонанс в общественной жизни Коми края: фактически коми язык из сферы устного бытования официально переходил на письменный уровень. Это означало, что произведения на коми языке, как фольклорные, так и авторские, получили возможность письменной фиксации². В состав «Граматики» был включен раз-

¹ РНБ. Ф. XVII. 111. Л. 281–282.

² Ранее изданные «Граматики» А. Флерова и М. Кастрена, о которых упоминает П.И. Савvaitов, не имели такого значения для развития литературного языка.

дел «Приложения», в который вошли переводы на коми язык «Символа веры», молитвы «Отче наш», Евангельских блаженств и Десятословия, некоторых глав из Евангелий от Иоанна и от Матфея. В «Приложениях» также были опубликованы коми фольклорные произведения, собранные самим Савваитовым, и уже упомянутые свадебные причитания, представленные ему В.А. Куратовым. Христианские тексты были даны в переводе на сысольский диалект, в то время как фольклорные тексты представляли собой образцы сысольского и вычегодского диалектов, которые признавались Савваитовым основными наречиями коми языка [3, с. V]. Кроме того, Савваитов инициировал работу корреспондентов из жителей Коми края, регулярно поставлявших ему материалы по традиционной культуре коми-зырян.

Среди этих корреспондентов особо выделяется **С.Е. Мельников**, житель Усть-Сысольска. О Мельникове почти ничего неизвестно; некоторые материалы он подписывал как «чистопольский мещанин», т. е. житель города Чистополь Казанской губернии [5, с. 277]. Несмотря на то что достоверных биографических данных о нем не сохранилось, его творческое наследие достаточно велико: Мельников печатался в российских журналах, множество его работ хранится в различных архивах [Ср. список его работ: 5, с. 277], в том числе и в фондах архива П.И. Савваитова в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки. В числе прочих материалов есть записи коми-зырянских песен «Рой, рой, рой, кытчö ветлін?» («Рой, рой, рой, куда ходил?»), «Шубейка вурöны, китайкаöн кышöны» («Шубейку шьют, китайкой покрывают»), «Рытъя войö, менö матушка рöдитис» («Вечерней порой меня матушка родила»), а также тексты заговоров [9, л. 189–193]. Кроме того, Мельников предпринял первые попытки литературной обработки коми фольклорных сюжетов. Известны, по крайней мере, два произведения, написанные им по фольклорным мотивам: это сказка «Туныр Як, зырянский колдун и разбойник» и поэма «Лешкаъяс, или кедровые шишки» [5, с. 277]. Однако литературные начинания Мельникова не были поддержаны Савваитовым. В одном из своих отзывов он предлагает Мельникову, чтобы тот вместо упражнении в сочинении «зырянских повестей в стихах, лучше бы

записывал зырянские сказки и поверья на зырянском языке» [5, с. 277]. Вероятно, критика столничного профессора возымела действие, и Мельников больше не пытался заниматься собственным литературным творчеством, по крайней мере, другие его литературно-художественные тексты не известны. Тем не менее следует признать, что сочинения Мельникова представляют собой первые опыты использования коми фольклорных мотивов в создании литературных произведений.

Безусловно следовал за фольклорной коми традицией в своем поэтическом творчестве **Петр Фостирьевич Ключков** (1813–1854). Биографических сведений о нем сохранилось немного. Известно, что он родился в с. Вотча Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии (ныне село в Республике Коми) в семье дьякона. Учился в Вологодской семинарии, окончил ее в 1852 г., но не получил назначения на службу ввиду болезни. Через два года, в 1854 г., он скончался от чахотки в своем родном селе Вотча [10, л.50]. Наследницей рукописей стихотворений П.Ф. Ключкова стала его родная сестра Ирина, супруга устьсысольского мещанина С.Н. Забоева. По воспоминаниям его племянницы, Феоктисты Забоевой, записанным П.Г. Дорониным в 1939 г., все стихотворения были переложены Ключковым на музыку, и Ирина часто пела их прямо по тетради [10, л. 51]. Забоева вспоминает, что в 1865 г. рукописями Ключкова интересовался И.А. Куратов: «Побеседовав с тетей (Ириной), Куратов попросил ее показать тетради Ключкова, а потом попросил разрешения взять их с собой для знакомства. При этом Куратов попросил исполнить несколько песен из тетради Ключкова. Тетя имела очень приятный голос и исполнила две песни: “Мыйла бёрдан муса нылöй?” (О чем плачешь, милая девушка?) и, кажется, “Гөгөр, гөгөр ме видзöдлi” (Вокруг, вокруг я смотрела)» [11, с. 150]. Сам Куратов в своих заметках выделяет первую песню-стихотворение, но об остальных стихах Ключкова отзывается как об «изуродованных» [12, с. 8], т. е. искаженных последующими переписываниями и влиянием фольклорной песенной традиции. Судьба тетрадью Ирины Забоевой (Ключковой) неизвестна, после ее смерти они были утеряны, но П.Г. Доронину удалось записать от Феоктисты Забоевой ряд стихотворных текстов, авторство

которых, по ее словам, принадлежит П. Ф. Ключкову. Это «Мыйла бõрдан муса нылõй?» («О чем плачешь, милая девушка?»), «Сад йõрын кõ ныв гуляйтõ» («В саду девушка гуляет»), «Коді мен медмуса, коді мен меджалъ» («Кто мне всех милее, кто всех любимее»), «Баддõй тэ, баддõй» («Ивушка, ты моя ивушка»), «Асья кыа водз лэбалõ» («Утренняя заря рано летает»), «Паськыд гажа улича» («Широкая веселая улица»), «Кõні менам ичмоньпу» («Где моя невеста?»), «Код нõ тайõ локтõ?» («Кто же это идет?»), «Уна нывъяс чукõртчисны» («Много девушек собралось») [13, с. 61–64].

Фактически все песни Ключкова вошли в репертуар народных исполнителей и впоследствии записывались фольклористами как фольклорные песни. Так, песня «Мыйла бõрдан муса нылõй?» («О чем плачешь, милая девушка?») впервые была записана венгерским лингвистом Д. Фокошем-Фуксом в 1911 г. в Усть-Сысольске, затем в 1914 г. коми поэтом В.Т. Чисталевым, а в 1960 г. – фольклористом А.К. Микушевым [14, с. 26].

В списке «пиитов зырянских» Куратов называет и Егора Лыткина, с сожалением отмечая, что ему удалось ознакомиться только с одним из его стихотворений, а именно «Ном» («Комар»). Егор Лыткин или **Георгий (Юрий) Степанович Лыткин** (1835–1907) известен как первый коми лингвист, историк, литератор, собиратель коми фольклора, переводчик на коми язык богослужебной литературы, географ, педагог. Литературная деятельность Лыткина началась во время учебы в Вологодской гимназии с сочинения небольших очерков и заметок, опубликованных в газете «Северная пчела» и в журнале «Лучи» по рекомендации А.О. Ишимовой [15, с. 123]. В этот же период жизни он сочиняет стихи и, насколько известно, продолжает писать их еще некоторое время, учась в Санкт-Петербургском университете. Сохранилось два стихотворения этих лет – «Коми бõрдкыв Николай Мудрцй кулцм вылц» («Зырянское слезное слово на кончину Николая Мудрого») и «Коми кыввор Александр Николаевич Сарсво пуксьõм вылц» («Зырянское слово на восшествие на престоль Александра Николаевича») – они были напечатаны в виде отдельных листовок в типографии И.И. Глазунова 17 марта 1855 г. Стихотворения снабжены авторскими ремарками,

поясняющими неизвестные русскому читателю образы, а также сопровождаются авторским подстрочным переводом на русский язык.

Коми бõрданкыв Николай Мудрõй кулõм вылц
(Зырянское слезное слово на кончину
Николая Мудрого)

Зарни югыд шондї
Му сайõ лэччис.
Мывкыд югыд юрным
Енжõ лэбзис:
Сарлõн сõстõм лолыс
Ен киõ пуксис.

Золотое светлое солнце
Скрылось за горизонт
(За землю закатилось).
Наша Мудрость
(Неизмеримо разумная голова)
В небо улетела:
Чистая душа Царя
В Божью руку села¹.

18.02.1855

Если первое стихотворное произведение было озаглавлено как «слезное слово», обозначая таким образом ситуацию скорбного причитания коми народа ввиду кончины государя, то второе является собственно *восхвалением*, задача которого – выразить ликование коми народа по поводу прихода нового царя:

Коми кыввор Александр Николаевич
Сарсво пуксьõм вылõ
(Зырянское слово на восшествие на престол
Александра Николаевича)

Енж вылõ петіс
Вылъ югыд шондї;
Аслас киня увсъяс
Ен сійõс лэдзис:
Сідз миян Сарõс
Сарствуйтны пуктіс,
Неваса Сандрõс
Отсõдны ыстіс
Дзоньвидза овны
Сет, Енмõй, Сарлы,

¹ «Зыряне верят, что чистые души праведных, души Царей, благословенных Богом на великое и многотрудное служение по разлучении с телом отлетают на небо и садятся на руку Божию как голуби», – поясняет Лыткин [16, л. 248].

Гӧгыр, ныв-пийслы,
Ыджыд рӧдвужлы!
Ен бурсийӧм Сарлцн
Мед Мывкыд йыкмас:
«Миян бара шудлун» –
Бур роч йӧз шуас.

На небо вышло
Новое светлое солнце;
Из-под своих мышц¹
Бог его выпустил:
Так нашего Царя
(Бог) царствовать поставил,
Александра Невского
В помощники ему послал.
По добру, по здорову жить
Поддай, Боже, Царю,
Супруге его и детушкам
И высокому роду!
У Бога благословенного Царя
Да окрепнет Мудрость:
«У нас снова блаженные дни» –
Да скажет добрый русский народ.

Студент 1-го курса историко-
филологического факультета разряда
восточной словесности Г.Л.
СПб., 19.02.1855.

Как правило, в коми советском литературоведении эти стихи оценивались невысоко, исследователи усматривали в них «верноподданные чувства к царствующему дому» (П.Г. Доронин) или «политическую инертность Г. Лыткина» (А.Е. Ванеев). В.А. Лимерова в специальной работе относит эти произведения Лыткина к числу редких представительских историко-литературных памятников [17, с. 79]. Следует признать, что даже по прошествии значительного времени благодаря своеобразной мелодике стиха, образному строю и фольклорным реминисценциям стихотворения Лыткина звучат оригинально. Доподлин-

¹ Автор комментирует: «У зырян сохраняется предание, что Бог выпускает солнце на небо из-под своих мышц. Этим хотят показать, что солнце, производящее в природе благотворные дела, солнце, всеоживляющее, произошло от силы Божьей, от Его мышц» [16, л. 250].

но неизвестно, чем руководствовался юный стихотворец, когда писал эти стихи, но можно предположить, что они выражали его гражданскую позицию – на то время она была верноподданнической и такой оставалась в зрелые годы, до самой его кончины, разве что, возможно, за исключением эпизода с подпольной типографией общества «Земля и воля», которую, по воспоминаниям Лонгина Пантелеева, Лыткин якобы некоторое время содержал в своей квартире [15, с. 128].

К середине XIX в. жанры панегирика уже практически вышли из литературного обихода, однако смерть Николая I, а затем восшествие на престол Александра II вызвали если не возрождение панегирических жанров, то их кратковременное возвращение. Так, в июне 1855 г. Ф.М. Достоевский пишет оду ко дню рождения вдовствующей императрицы Александры Федоровны «На первое июля 1855 года» [18, с. 342]. Современники оценили стихотворение не очень высоко, однако оно было представлено императрице. В соответствии с высокими образцами од Г.Р. Державина Достоевский в лице Царствующего Дома восхваляет Россию, ее будущее, которое связывает с состоянием императрицы, «содрогнувшейся» от горя, но нашедшей в себе силы противостоять ему. Имеются и другие образцы одической поэзии, написанные в те же годы. Так, в феврале 1855 г. отдельной книжкой вышло стихотворение Д.А. Аксеновского, придворного механика и поэта, «На восшествие на престол Александра II. Февраля 19 дня» [19], в котором поэт выражал надежду на то, что, несмотря на утрату, Бог не оставит Русь и даст новому императору «дни счастья с Своей Державой», «венец» во всех его делах, а также победу в войне – разбить «врагов твоих в конец» [19, с. 4]. Невзыскательные стихи поэта-самоучки из Сольвычегодского уезда вполне вписывались в этот контекст. Они не оказали существенного влияния на российский литературный процесс, но сами по себе могут быть рассмотрены как литературный и политический факт, являющий пример того, как переживалось – или должно было переживаться – столь важное событие подданными российского царя.

Оба стихотворения Лыткина написаны трехстопным хореем и, по всей видимости, изначально составляли единое целое, как и положено

в панегирике: в первой части выражались боль утраты, печаль, страх перед будущим, во второй – радость, восторг по поводу воцарения нового императора, надежда на счастливое царствование во славу народа. Но Лыткин разделил стихотворения на *бёрдыкы* («слезное слово») и на *кыввор* («благословение»), дистанцируясь, таким образом, от одической традиции. Как верно замечает В.А. Лимерова, по формальным жанровым признакам эти стихи не соотносятся ни с одним из известных жанров – фольклорным или литературным плачем, величанием, панегириком, похвальным словом, одой. Скорее всего, данные Лыткиным заглавия указывают на индивидуально-авторскую идентификацию жанра стихотворений [17, с. 85].

Выступая от имени коми народа, Лыткин привлекает в стихотворение национальную фольклорную образность. Николай назван «Мудрым», поэтический эквивалент мудрости в коми языке – «мывкыд югыд юр»; в его переводе это – «неизмеримо разумная голова», которая улетает в небеса. Этот образ головы, связанный с представлениями о месте пребывания души, взят Лыткиным из религиозно-мифологических представлений коми [20, с. 86] и придает всему стихотворению самобытность. Создается ассоциативный ряд: солнце закатывается за землю – голова улетает в небо – душа Царя, в образе голубя, садится на руку Бога. Отсутствие в небесах солнца, а в стране царя вызывает тревогу, страх перед наступившей тьмой, но образ души царя в руке Бога это напряжение снимает, свидетельствуя о том, что все на свете в Божьих руках, и Он не оставит русский народ. Эти надежды сбываются в тексте следующего стихотворения, в начале которого рисуется образ нового солнца, выходящего на небо. Здесь Лыткин вводит в текст оригинальную метафору: Бог выпускает солнце из-под мышек. Сам Лыткин переводит словосочетание «киня увсьыс» как ‘из-под своих мышц’, в комментарии указывая, что это действие в представлениях зырян связано с «силой Божьей». Таким образом, он изменяет значение словосочетания, стараясь скорректировать слишком смелый образ. Как показывает исследование Н.Д. Конакова, образ «рождения из-под мышек» восходит к мифологической концепции «непорочного зачатия

и рождения», известной по мифологиям многих народов и соотносящей «телесный верх (голова, рот, подмышки) с верхом космическим». В фольклоре коми эта концепция запечатлена в легенде о том, что Богородица родила Господа из-под мышки, а людям это воспретила [12, с. 17]. Таким образом, солнце выходит на небеса, а Россия получает нового царя, которому Бог посылает в помощь небесного покровителя – святого воина Александра Невского, и в стране наступает благоденствие. Покровительство святого князя также значимо – Александр II всходил на престол в самый разгар Крымской войны. Как видим, лирический субъект в стихотворениях Лыткина совпадает с коллективным образом зырянских подданных Царя. Как верно отмечено у В.А. Лимеровой, «поэт произносит слово (и слезное, и на восшествие) не от своего имени, а от имени своего родного народа, что подчеркивает единую скорбь и радость всей России, а значит, и включенность коми в жизнь государства российского» [17, с. 86]. Это коллективное обращение к Царствующему Дому определяет статус текстов как панегирических. Однако этот момент и отличает стихотворения Лыткина от официальных панегирических текстов – запечатленная в них коми фольклорная образность весьма далека от традиционной одической топики. В большей мере эта пара стихотворений похожа на своего рода напоминание Царскому Дому о том, что среди многочисленных российских подданных есть и зыряне, и от их благословения, данного восходящему на царский престол, также зависит благополучие государства.

На сегодняшний день известно семь стихотворений Лыткина. Еще одно его стихотворение, написанное стефановским алфавитом, находится в письме П.И. Савваитову. Все эти тексты датированы 1855 г., разными месяцами. Очевидно, что Лыткин писал стихи только в юности, во время учебы на 1–2 курсах университета. Полный объем написанного им за эти годы установить невозможно: чемодан с записями того времени, вместе с собранными на родине фольклорными материалами, был украден у Лыткина в Нижнем Новгороде, когда он возвращался с каникул из Усть-Сысольска в Петербург [5, с. 299]. В последующие годы Лыткин уже не писал стихов, в его

приоритете была научная и просветительско-педагогическая деятельность. Вероятно, он перестал писать стихи еще и потому, что создавал их «для себя», «в стол»; издать эти произведения было нельзя, а будучи изданными, они имели бы очень узкую читательскую аудиторию, поскольку коми читателя нужно было еще воспитать, образовать.

Тенденция к просветительству, ставшему главной задачей в зрелом творчестве Лыткина, заложена уже в ранней его лирике. В стихотворении «Войпõм коми йõзлы» («Плач о коми народе») [21, с. 280] лирический герой сетует о том, что Коми землю окутала тьма – и эта тьма обусловлена тем, что коми народ подавлен своей ленью.

Муса чужан Коми муõс
Дзурс пемыд шымыртõма,
Сьõд вцр щцрын коми йõзõс
Садьтõм дышру ланьõма.

Родную Коми землю
Кромешная тьма охватила,
Среди темного леса коми народ
Беспросветная лень успокоила.

В результате этой лени рождается глупость, а разумом пренебрегают:

Дзоля вежõр джõмдис тiян,
Улõ усид мывкыднад,
Турун чирк моз нима ниман
Талялiнныд кок улад.

Споткнулись о глупость
И низко упали умом.
Ваше высокое имя
как кузнечик в траве
Затоптано вашими ногами.

Лирический герой призывает коми народ поднять голову, подобно тому как в природе все поднимается вверх: деревья растут вверх, птицы поднимаются вверх и поют в вышине, даже кузнечик стремится вверх. Стихотворение завершается призывом к коми народу:

Тырмас узыны, Коми йõзõй!
Важ олõмсьыд орõдсьы.
Тырмас узыны! Том сьõлõмтõ
Дзирõд-шонты бур вылõ,
Нур сетны мывкыд ловлы
Бур гижõдцн сяммõдсьõ...

Довольно спать, Коми народ!
Оторвись от прежней жизни.
Довольно спать! Твое молодое сердце

Пусть засверкает-согреется
на доброе дело,
Дать питание умной душе
Заниматься творчеством...

Стихотворение свидетельствует о вере автора в просветительское назначение творчества; гармония и счастье, по его мысли, могут быть достигнуты только через просвещение, обращение к разуму. Поэт сознает себя тем, кому мистическим образом предназначено разбудить коми народ, об этом он прямо заявляет в стихотворении «Ыджыд Вõt» («Сновидение») [21, с. 279]: лирический герой вспоминает, как в детстве он видел сон, будто из темного леса на просеку его вывел олень, и среди леса он узрел прекрасный храм, а в нем, среди золотого сияния и красоты, его душу наполнила радость, он услышал молитвы Богу. Сон был, что называется, в руку, лирический герой теперь далеко от дома – его увело Знание о том, что где-то есть этот чудесный храм.

Восьтыла тай асьсым синьяс –
Аддза зарни югыдõс,
Паськõдла тай кыкнад пельяс –
Кыла ме уна кыльяс...
Открываю глаза –
Вижу золотое сияние,
Раскрываю уши –
Слышу многие языки...

Храм, увиденный им во сне, – это Храм Знания, к которому стремится лирический герой, и это знание исходит от Бога – знаком Его присутствия является «золотое сияние». Финальное слышание героем «многих языков» перекликается с идеей чуда Пятидесятницы, когда апостолы, на которых снизошел Святой Дух, обрели знание многих языков. Языки нужны лирическому герою для того, чтобы нести людям свет открывшейся ему истины; в стихотворении об этом прямо не говорится, и тем не менее эта идея имплицитно выражена. Символичен образ оленя, указывающего путь к Храму: ««Татысь мунны эн лысьт тэ бор!» / Вичко вылõ индõдис» (««Отсюда выйти не смей!» / Показал на Храм»). Как правило, погоня за оленем (золотым оленем) в фольклорно-мифологических текстах завершается брачным венцом и воцарением героя [10, с. 86-87], т. е. смелой статуса. В данном же контексте олень открывает герою путь к Храму, в котором он узнает

замысел Бога, связанный с вечным поиском Знания. Таким образом, можно справедливо заключить, что для юного Лыткина это стихотворение было своего рода программным: оно выражало творческое кредо, которое определило всю дальнейшую его судьбу как путь постоянного приращения Знания и передачи его своему народу.

В зрелые годы Лыткин обращается к другим видам интеллектуальной творческой деятельности – к калмыковедению, зырянноведению, переводам на коми язык христианской литературы и преподаванию. Юношеские же его стихи, по существу, остаются первым опытом интеллектуальной поэзии на коми языке. И хотя это еще не в полном смысле философская лирика – но, определенно, ее начало. Более того, уже в этих стихотворениях проявилось стремление автора-ученого к чистоте коми литературного языка, отличавшее творчество зрелого Лыткина и определявшее пафос всей его жизни.

Значение стихотворных опытов первых коми поэтов для национальной литературы заключается в создании языка коми поэзии, отвечающего духовным запросам эпохи. И несмотря на то что пристрастный взгляд И.А. Куратова-критика обнаружит в этих стихах определенные недостатки, нельзя не признать, что в открытиях «пиитов зырянских» рождались и новая философия зырянского Слова, и новая образность, которые привели в итоге к зарождению собственно поэтического коми языка, нашедшего развитие впоследствии в творчестве И.А. Куратова, а позже – в коми лирике начала XX в.

Литература

1. Лимерова В.А. К вопросу о становлении национальной словесности: зырянская тема в литературных документах XIX века // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века. Сыктывкар: Кола, 2010. С. 3–12.
2. Надеждин Н.А. Народная поэзия у зырян // В делях Севера. Русские писатели XVIII–XIX веков о земле Коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. С. 57–73.
3. Савваитов П.И. Грамматика зырянского языка. СПб: Тип. Имп. Акад. наук, 1849. 170 с.
4. Куратов И.А. Ты бесконечна, жизнь: заметки, публицистика. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. 148 с.
5. Терюков А.И. История этнографического изучения народов коми. СПб: МАЭ РАН, 2011. 514 с.
6. Лимеров П.Ф. И.А. Куратов: лейтмотивы творчества. Научные доклады. Вып. 431. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН. 32 с.

7. Плосков И.А. К вопросу о наследии коми поэта, переводчика П. Распутина // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры: сб. ст.: в 2 т. Т. 2: Филология. Этнология. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1996. С. 230–234.

8. Мартынов В.И. Становление коми литературы. М.: Наука, 1988. 233 с.

9. Мельников С.Е. Рой, рой, рой, кытчö ветлін? (Рой, рой, рой, куда ходил?), Шубейка вурöны, китайкаöн кышöны (Шубейку шьют, китайкой покрывают), Рытъя кадö, менö матушка рöдитис (Вечерней порой меня матушка родила // Сборник / Рукописный отдел РНБ. F. XVIII-111. Л. 189–193.

10. Доронин П.Г. Письменность и литература коми до Октябрьской социалистической революции // Архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Ед. хр. 251. 340 л.

11. Доронин П.Г. Из воспоминаний учительницы Ф.А. Забоевой // Арт-Лад (Сыктывкар). 2004. № 2. С. 150–153.

12. Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение народов коми. Окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1996. 131 с.

13. Доронин П.Г. Петр Ключков йлысь // Войвыв кодзув (= Полярная звезда). 1961. № 6. С. 59–64.

14. Мартынов В.И. У истоков национальной литературы // История коми литературы: в 3 т. Т. 2. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. С. 22–31.

15. Ванеев А.Е. Коми-зырянское просветительство: сущность и своеобразие. Сыктывкар: Эском, 2001. 221 с.

16. Лыткин Г.С. Коми бцрданкыв Николай Мудрцй кулцм вылц (Зырянское слезное слово на кончину Николая Мудрого); Коми кыввор Александр Николаевич Сарсво пуксыцм вылц (Зырянское слово на восшествие на престол Александра Николаевича) // Сборник / Рукописный отдел РНБ. F. XVII – 58. Л. 248–255.

17. Лимерова В.А. Панегирическая лирика Г.С. Лыткина: культурный контекст и поэтика // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 1. Екатеринбург: УрО РАН; Объединенный музей писателей Урала; Изд-во АМБ, 2006. С. 79–87.

18. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 10: Братья Карамазовы. Ч. 4. Эпизод; Незаконченные повествовательные произведения; Стихотворения и стихотворные наброски. Л., 1991. Т. 10. С. 342–344.

19. Аксеновский А.Д. На восшествие на престол Александра II. Февраля 19 дня. СПб: Типография Королев и комп., 1855. 12 с.

20. Лимеров П.Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1998. 128 с.

21. Лыткин Г.С. Менам олан-вылан туйöй; Ыджыд вöт; Кутш, Каля, Курöг; Войпöм коми йöзлы // Сборник / Рукописный отдел РНБ. F. XVIII – 111. Л. 279–280.

References

1. Limerova V.A. On the formation of national literature: Zyryan theme in literary documents of the 19th century. Zyryane i zyryanskiy kray v literaturnykh

dokumentakh XIX veka. V.A. Limerova (compiler, author of the preface). Syktyvkar, Kola, 2010, pp. 3–12.

2. Nadezhdin N.A. Folk poetry among Zyryans. V debryakh Severa. Russkie pisateli XVIII–XIX vekov o zemle Komi. Z.Ya. Nemshilova (compiler and author of the preface). Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatelstvo, 1983, pp. 57–73.

3. Savvaitov P.I. Grammar of the Zyryan language. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1849. 170 p.

4. Kuratov I.A. Life is endless: Notes, social and political essays. V.I. Martynov (compiler, author of the foreword and comments). Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatelstvo, 1988. 148 p.

5. Teryukov A.I. History of ethnographic research of the Komi peoples. St. Petersburg, MAE RAN, 2011. 514 p.

6. Limerov P.F. Ivan Kuratov: Leitmotifs of his creative works. Nauchnye doklady. Issue 431. Syktyvkar, Komi NTs UrO RAN. 32 p.

7. Ploskov I.A. On the creative heritage of Komi poet and translator Petr Rasputin. Khristianizatsiya Komi kraya i ee rol v razvitiy gosudarstvennosti i kultury. Sbornik statey. In 2 vols. Vol. 2. Filologiya. Etnologiya. Syktyvkar, Komi NTs UrO RAN, 1996, pp. 230–234.

8. Martynov V.I. The formation of Komi literature. Moscow, Nauka, 1988. 233 p.

9. Melnikov S.E. Swarm, swarm, swarm, where has you gone?; Fur coat is sewn, covered with nankeen; My mother gave birth to me just in the evening. Sbornik. Rukopisnyy otdel Rossiyskoy natsionalnoy biblitemki. F. XVIII–111, list 189–193.

10. Doronin P.G. Komi writing and literature before the October Socialist Revolution. Arkhiv Komi NTs UrO RAN, fond 1, opis 11, edinitsa khraneniya 251, list 340.

11. Doronin P.G. From teacher F.A. Zaboeva's recollections. Syktyvkar. Art-Lad, 2004, no. 2, pp. 150–153.

12. Konakov N.D. Traditional worldviews of the Komi peoples. The surrounding world. Space and time. Syktyvkar, Komi NTs UrO RAN, 1996. 131 p.

13. Doronin P.G. About Komi poet Petr Klochkov. Voyvyv kodzuv, 1961, no. 6, pp. 59–64.

14. Martynov V.I. At the cradle of national literature. Istoriya komi literatury. In 3 vols. A.K. Mikushev (ed.). Vol. 2. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatelstvo, 1980, pp. 22–31.

15. Vaneev A.E. Komi-Zyryan enlightenment: Its essence and originality. Syktyvkar, Eskom, 2001. 221 p.

16. Lytkin G.S. Zyryan tearful word on the death of Nikolay the Wise; Zyryan word on Alexander Nikolaevich's accession to the throne. Sbornik. Rukopisnyy otdel Rossiyskoy natsionalnoy biblitemki F XVII–58, list 248–255.

17. Limerova V.A. Georgy Lytkin's panegyric lyrics: Cultural context and poetics. Literatura Urala: istoriya i sovremennost: Sbornik statey. Issue 1. Ekaterinburg, UrP RAN; Obyedinennyy muzey pisateley Urala; Izdatelstvo AMB, 2006, pp. 79–87.

18. Dostoevsky F.M. Collected works. In 15 vols. Vol. 10: The Brothers Karamazov. Part 4. Epilogue; Unfinished narrative works; Poems and poetical sketches. Vol. 10. Leningrad, 1991. pp. 342–344.

19. Aksenovsky A.D. On the accession of Alexander II to the throne. February 19. St. Petersburg, Tipografiya Korolev & Co., 1855. 12 p.

20. Limerov P.F. Mythology of the afterlife. Monografiya. Syktyvkar, Komi NTs UrO RAN, 1998. 128 p.

21. Lytkin G.S. My life path; The big sleep; The eagle, the gull, and the hen; Message for the Komi people. Sbornik. Rukopisnyy otdel Rossiyskoy natsionalnoy biblitemki. F XVIII–111, list 279–280.

ZYRYAN POETS: THE FORMATION OF KOMI POETRY IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

© P.F. Limerov

Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Centre, Ural Division, RAS,
26, ulitsa Kommunisticheskaya, 167982, Syktyvkar, GSP-2, Russian Federation

The formation of Komi literature, Komi literary language is associated with the name of the first Komi poet IA. Kuratova. However, the first to turn to literary creativity in the Komi language were VA. Kuratov, P.F. Klochkov, P.V. Rasputin, G.S. Lytkin, whom Kuratov himself calls “famous Zyryansky piits.” Creativity of these poets is mainly in the first half of the XIX century, their works were distributed in manuscripts and were never published, some of them entered the folklore and preserved as folk songs, but mostly they were forgotten or lost. To date, the poetry fund of the XIX century in the Komi language is extremely small, but it allows you to see the evolutionary path of the formation of literature, which already in the middle of this century led to the appearance of the mature poetry of IA. Kuratova. In this paper, an analysis of the historical-literary process is proposed, in the context of which the author's poetic creativity in the Komi language is becoming. Some aspects of the creative biography of the first Komi poets were restored, and their poetic experiments were examined. Their significance for national literature lies in the creation of the Komi poetry language, which meets the spiritual needs of the age. In these still imperfect poems, a new philosophy of the Zyrians Words and a new imagery were born, which eventually led to the origin of the poetic Komi language itself, which later developed in the works of IA Kuratov, and later in the comic of the early twentieth century.

Key words: poetry, regional literature, lamentations, Vologda seminary, psalms, panegyric, folklore imagery, enlightenment.